

УДК 008:316.42

Т.А. Пархоменко

**ПОРТРЕТ ИСТОРИКА КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МУРАВЬЕВА (1941 –2009)
(памяти учителя)**

Аннотация. Анализируется творческое наследие доктора исторических наук, профессора В.А. Муравьева, в котором главное место занимала проблема личности в истории и культуре. Мастер исторической биографики, ученый создал литературные портреты выдающихся ученых Н.П. Павлова-Сильванского, Б.И. Сыромятникова, Н.П. Ерошкина и др. Отмечается, что деятельность исследователя была нацелена на актуализацию культурной памяти, связанной с «историей и историками», а его труды способствовали формированию в России антропологически ориентированного исторического знания, ставшего частью мировой научной и социокультурной среды.

Ключевые слова: история, историография, культура, личность, наследие, память, биографики, Россия, В.А. Муравьев

Жизненный и творческий путь доктора исторических наук, профессора В.А. Муравьева, при всей самобытности и уникальности, в значительной мере является типичным для русской интеллигенции, сформировавшейся в СССР и завершавшей свои дни в постсоветской России.

Он представляет собой своеобразный экзистенциальный опыт эволюции так называемого «рубежного» сознания от ценностей социалистической эпохи к постулатам буржуазного времени. Все научное наследие ученого свидетельствует о том, что кризис советской парадигмы развития начался задолго до распада СССР и был в значительной мере подготовлен интеллектуальным сообществом страны, которое сначала сформировало, потом пережило, а затем и изжило коммунистическое сознание путем высвобождения индивидуального творчества из-под обязательных для всех идейно-политических целей и директив. Процесс этот был непростым, развивался исподволь и проявлялся в разных сферах и направлениях. Одним из них была разработка темы «история и историки», которая в научно-исследовательской и педагогической деятельности В.А. Муравьева занимала главное место, более того, стала частью его общего творческого интереса к проблеме личности в истории и культуре.

Виктор Александрович, говоря о том, что «формирование антропологически ориентированного исторического знания возможно при наличии широкого круга предпосылок, сходящихся, в конечном счете, к определенным рубежам зрелости социума и присущей ему познавательной традиции», задавался справедливым вопросом: «Предрасположена ли российская историографическая традиция к истории человека в России, к человеку в российской истории?». Ответ на этот вопрос, хотя и виделся ему совершенно «неоднозначным на уровнях самой истории, как процесса; историографической традиции; эпистемологической традиции», тем не менее, получил значительное развитие в его трудах¹. Для исследователя «категорическая непрядрасположенность самого российского исторического процесса к антропологически ориентированной его интерпретации» вовсе не являлась «преградой для изучения рождаемой человеком и обществом социокультурной ситуации», равно как и для «понимания места человека в российской истории»². Это было обусловлено тем, что проблема человека рассматривалась им сквозь призму творчества как главного способа истинно человеческого бытия, позволяющего ощутить сопричастность не только людей друг другу, но и человека – миру, а, следовательно, и истории. Он принадлежал к тем ученым, кто в процессе познания прошлого стремился «установить равноправные отношения между исследователем и исследуемым объектом», и на этой основе вести диалог эпох и диалог культур, но опять-таки «через действовавшего в истории Земли человека»³.

Нагляднее всего это проявилось в исторической биографике, дававшей возможность многим историкам советского времени, которое, говоря словами В.А. Муравьева, «не знало иного Бога, чем государство и государственность»⁴, в определенной мере уходить от идеологических штампов, преодолевать вульгаризацию исторического прошлого и отстаивать достоинство науки и ученых, трудившихся в России. Так, например, А.А. Зимин, рассуждая о работе историка, спрашивал: «Является ли объектом его размышлений живая человеческая личность во всех ее проявлениях или человеческое сообщество, т.е. какая-то абстракция качеств конкретных людей?». И затем ясно и четко отвечал: «История – это живые люди, а не процессы. Только через людей можно познать давно ушедшее от нас прошлое»⁵. Для Виктора Александровича это, можно

сказать, было аксиомой, поэтому биография в его понимании являлась не столько простым пояснением к творчеству, сколько сложной научной проблемой. На примере судеб русских историков

– Н.П. Павлова-Сильванского, Б.И. Сыромятникова, В.О. Ключевского и на базе глубокого знания исторических источников, в том числе личного происхождения, он развивал мысль о том, что в центре всех основных вопросов научного познания стоит человек, выступающий не только в качестве объекта социально-исторического развития, но и субъекта истории, ее активного творца. Поэтому вполне закономерным было обращение В.А. Муравьева на рубеже XX–XXI веков к проблемам эпистемологии гуманитарного знания, которое, вбирая в себя анализ различных форм познания (науки, искусства, религии), помогает найти ключ к пониманию смысла истории, к раскрытию многогранного процесса развития культуры⁷.

Такая теоретико-методологическая позиция была, безусловно, присуща не только В.А. Муравьеву, но и в значительной мере его учителям, а также коллегам по творческому цеху, можно сказать определенной школе отечественных историографов, занимавшихся исследованием «личностей историков и личностей в истории». Эта научная школа сформировалась в стенах ряда научных учреждений, в том числе и Историко-архивного института, где, как подчеркивал Виктор Александрович, «в пору безусловного доминирования идеологии над наукой, трансляционного типа образования над развивающим его типом, мифа над фактом <...> были силы, сохранявшие и развивавшие традиции, принципы и методы науки», сыгравшие «большую роль в подъеме Историко-архивного института от утилитарного архивного “техникума”, каким он был задуман при его основании в начале 1930-х годов, к известному и уважаемому уже более шести десятилетий научно-педагогическому центру»⁸. К ним по-праву можно отнести и самого В.А. Муравьева, две трети жизни отдавшего Историко-архивному институту, преподавателю, что называется, от бога, к которому тянулись и с которого брали пример многие студенты и аспиранты конца XX – начала XXI в. Их привлекала в учителя его энциклопедическая образованность, толерантное отношение к чужому мнению, глубокое уважение к человеку (прошлого, настоящего) и какое-то классически-либеральное признание абсолютного права личности на самоопределение. Его мысли о том, что изучение истории в лицах – от имени к имени, от личности к личности, – через анализ творческих лабораторий, индивидуальных подходов и интерпретаций, авторских замыслов и возможностей их реализации в той или иной конкретно-исторической обстановке открывает широкие возможности для выявления «генетических» связей историко-культурного процесса, его архетипических черт, с одной стороны, и специфических особенностей, с другой, превращались в своего рода *credo* молодого поколения исследователей.

Как историк-архивист Виктор Александрович бережно относился к каждому историческому имени, ценил всех неординарных творцов прошлого, независимо от их масштаба или классово-партийной принадлежности, что позволило ему актуализировать наследие многих забытых (намеренно или ненамеренно) деятелей отечественной науки и культуры. Говоря, в частности, о

том, что творчество Н.П. Павлова-Сильванского «не оказало до революции серьезного влияния на русскую буржуазную историографию», он, тем не менее, подчеркивал, что это «отнюдь не умаляет интереса исследователей истории исторической науки к нему», равно как и к целому ряду других представителей интеллектуального сообщества России⁹. «Целесообразно ли обращаться к изучению творчества ученого, заведомо зная, что его труды не оставили следа в буржуазной историографии <...> и не оказали воздействия на ее развитие? Не превратится ли оно в бесплодное изучение историографического курьеза? – еще в начале 1970-х годов задавался вопросами В.А. Муравьев. И твердо отвечал: «Нет». На примере лекционных курсов Б.И. Сыромятникова он пояснял, что «в научно-биографическом плане изучение этой стороны творчества Сыромятникова не вызывает сомнений»¹⁰. Обращение исследователя к работам русских историков, так сказать, второго плана с одновременным приданием насущной важности трудам мэтров исторической науки на фоне глубокого и всестороннего осмысления феномена их судеб, способствовало развитию в непростых идейно-политических условиях «развитого социализма» процесса воссоздания целостности культурного пространства России, всестороннего раскрытия личностной представленности истории, в которой биография является не только одним из «произведений» жизни, но и особой формой творчества, теснейшим образом связанного с вопросами культурной памяти и историко-культурного наследия.

Ярким примером всего вышесказанного является обширный очерк В.А. Муравьева, посвященный профессору Московского государственного историко-архивного института Н.П. Ерошкину, который может служить образцом исторического портрета. Созданный в рамках строго научного историографического исследования, очерк вместе с тем отличается непосредственной обращенностью к индивидуальности этого незаурядного советского историка, глубиной раскрытия его личности и богатством жизненных наблюдений. Анализ биографии и творческой деятельности Н.П. Ерошкина дан в нерасторжимом единстве, с одной стороны, свойственных только этому представителю отечественной науки черт и особенностей, а с другой стороны, общей характеристики эпохи, в которой ему пришлось жить и работать. Так, говоря о первых шагах педагогической деятельности Н.П. Ерошкина, которые пришлось на вторую половину 1940-х гг., В.А. Муравьев подчеркивал: «Это была аудитория, равная по возрасту многим своим молодым преподавателям, но, в отличие от них, выдавшая всякие виды; стосковавшаяся по мирной жизни и знаниям, но еще не умеющая жить этой жизнью; лихая и дерзкая, но познавшая высшие формы дисциплинированности; уверенная в себе, но пока еще наивно невежественная. С ними чуть проще было преподавателям, прошедшим войну в шинелях <...>, хотя и здесь больше зависело не столько от пройденной войны, сколько от таланта, такта, меры “экстравертности” преподавателя. Таким же, как Н.П. Ерошкин, нужно было формировать свою научно-педагогическую репутацию с самого начала: учиться “держаться удар”, быть близким ученику – и держать дистанцию, продумывать каждое слово, каждую черту собственного облика, каждый поступок – и, не дай Бог, если бы что-нибудь оказалось искусственным, надуманным, чужим: не

простили бы (бывало, кое-кому и не прощали, не простили и потом)». И далее, уже непосредственно о преподавателе Ерошкине: «У Николая Петровича все получалось как будто легко и естественно. <...> Глубокий басовитый голос, за которым всегда слышалась легкая усмешка, неизменная в те годы трубка, легкий налет барства во внешнем облике и неторопливое внимание к собеседнику, неспешные суждения во всех случаях, когда к нему обращались»¹¹.

Обладая великолепным чувством времени и человека, их своеобразия и неповторимости, В.А. Муравьев создал в своем очерке меткий исторический портрет эпохи и тонкий литературный портрет историка, индивидуальные приметы и запоминающиеся детали которого сформировали отчетливый, зрительно яркий художественный образ. В нем наука слилась с искусством на уровне эстетического сенсуализма, что вызывало в читателе глубокий душевный отклик. Это была талантливая попытка преодолеть издавна присущий отечественной историографии примат державности над культурой, понимаемой в смысле искусности и творческого, духовного начала, о котором сам Виктор Александрович говорил не раз и о чем еще в середине XX в. писал, например, Г.П. Федотов: «Историческая мысль углубляется в проблему о государстве, его носителях, его самостоятельном бытии. <...> Русские историки, в огромном большинстве своем, чуждались проблем духовной культуры» и поэтому не могли дать ответа на вопросы: «Чем была жива Россия и для чего она жила?», смысл которых и поныне «остаётся загадочным. Россия, более чем когда-либо, темна, непонятна и грозна. Но только решив ее загадку, или, по крайней мере, став на пути, ведущем к ее решению, русская интеллигенция может плодотворно участвовать в деле духовного возрождения родины»¹². При этом, по мнению ученого, проблема заключалась еще и в намеренном игнорировании фактов реальной жизни людей, свидетельств простых очевидцев и, как следствие, – в том, что в России явно недостаточен корпус источников, «отражающих ментальные явления, стоявших вне государственной традиции, источников, способных полноценно обеспечить антропологически ориентированное историческое изучение»¹³.

Для В.А. Муравьева такая постановка вопроса имела принципиальное значение. Связанная с общим «процессом духовного приобщения к людям прошлого»¹⁴, который активно разворачивался в течение XX столетия, она затрагивала одну из центральных проблем гуманитарного знания: существует ли в условиях огромного разнообразия форм творчества универсальный, единый для всех критерий оценки деятельности того или иного представителя культуры и – главное – его произведений, отталкиваясь от которого можно твердо и точно, раз и навсегда определить их место в истории. Эта фундаментальная проблема *cultural studies*, впервые заявленная на исходе XIX века Генрихом Риккертом в работе «Наука о культуре и наука о природе» под углом зрения «объективности культурной истории» и «исторических наук о культуре», упиралась, однако, в обоснование «вневременных» критериев абсолютной значимости культурных ценностей¹⁵. Ведь, говоря, например, словами Умберто Эко, любое произведение «является объектом, предполагающим бесконечное число возможных восприятий», каждое из которых, тем не менее, пытается стать доминирующим и превратить «открытое произведение» в «закрытое

произведение», т. е. в одну единственную интерпретацию, определяющую его судьбу¹⁶. Поэтому решение данной общей проблемы мировой культуры, в основе теоретическое, позволило бы избежать многих «исторических ошибок», приведших к невосполнимой утрате большого массива памятников прошлого – письменных, архитектурных, живописных и так далее, которые в то или иное время были отнесены к разряду бесполезных, ненужных, а то и просто вредных.

В.А. Муравьеву подобный нигилизм был совершенно чужд. Для него наследие (историографическое, эпистолярное, мемуарное, художественное), имело исключительную ценность, что проявилось, например, в его интересе к архивным материалам такого «несоветского», буржуазно-либерального деятеля отечественной истории и культуры как князь В.М. Голицын, который в конце XIX – начале XX века являлся московским губернатором и градоначальником, председателем комитета Политехнического музея, попечителем Третьяковской галереи и Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Конечно, в условиях советской власти это объяснялось чисто идеологической задачей «окончательного разгрома буржуазно-либеральных взглядов <...> и решительного преодоления их влияния в отечественной исторической литературе»¹⁷. Виктор Александрович писал об этом и в книге, посвященной ленинской концепции революции 1905–1907 годов в России, и в предисловии к публикации выдержек из дневника В.М. Голицына: «В распоряжении историков, однако, еще очень мало материалов, характеризующих позиции представителей либерального лагеря “изнутри”, отражающих присущие деятелям этого лагеря претензии, иллюзорные надежды, колебания и разочарования в ходе событий первой российской революции»¹⁸. Но, как показало упрямое время, создание «большевистской истории революции», восхвалявшей классовые бои с собственным народом, в конце концов, вылилось в свою полную противоположность, и случилось это в том числе благодаря актуализации альтернативного наследия, изучению материалов биографической истории и признанию ценности индивидуального опыта самых разных представителей культуры.

Взгляд на историю сквозь судьбу отдельного человека позволял видеть многомерно-объемную, а не идейно-плоскую, пропагандистки однобокую картину прошлого, создавать живой образ страны и мира, в котором личная биография органично вплетена в историю семьи, народа, культуры. Творческое наследие В.А. Муравьева свидетельствует, что на прошлое можно и нужно смотреть не только в категориях науки, но и в категориях культуры и прежде всего такой из них как память, которая отражается в многочисленных артефактах человеческого бытия. Разные уровни исторической памяти – индивидуальная, коллективная (народная, семейная и т. д.), – создают многослойность исторического знания, а социальность памяти придает ей ту или иную идеологическую окраску, которая тем ярче и представительнее, чем выше социальный статус ее носителя. Еще в 1830 г. А.С. Пушкин в разделе «Смесь» «Литературной газеты» за 15 февраля, подметил, что «у нас есть три “Истории” России: одна для гостиной, другая для гостиницы, третья для гостиного двора»¹⁹, т. е. каждый социальный слой имеет свою картину прошлого,

слагающуюся из микроисторий, множественности идентичностей, частных и коллективных биографий, без которых написание общей и объективной макроистории просто невозможно.

Властная элита стремится к огосударствлению памяти, к тому, чтобы в ней оседали выгодные ей факты и исчезали невыгодные, она, опираясь на всю мощь бюрократического аппарата, как правило, навязывает населению свою память и свое забвение исходя из той или иной политической конъюнктуры, подменяет историю идеологией, обращенной в прошлое ради закрепления настоящего. Как отмечал русский мыслитель С.Н. Булгаков, «история является чаще всего материалом для применения теоретических схем, господствующих в данное время в умах (напр., теории классовой борьбы) или же для целей публицистических, агитационных», «чувства кровной исторической связи, сочувственного интереса, любви к своей истории, эстетического ее восприятия поразительно мало...»²⁰. Но иначе и не может быть в условиях жестко официального возвеличивания одних событий и дискриминации других, когда намеренно «забытая память» загоняется в подполье, в контркультуру, которая сохраняется в народной среде и противостоит сверху спущенной «государственной» памяти и сверху спущенному «государственному» забвению.

Такое положение во многом объясняет, почему отнюдь не исторические труды, а художественные произведения (например, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака) развивали массовое представление о событиях прошлого и, главное, о людях, участвовавших в них, об их системе этических и эстетических ценностей, нормах жизни и т. д. Словом, почему изящная словесность, а не история оказались в центре отечественной культуры, литературоцентризм которой собственно и сформировал культурный код нации. В XX веке стало очевидным, что историкам как представителям гуманитарных наук, обоснованных еще на рубеже XIV–XV веков итальянскими гуманистами К. Салютати и Л. Бруни (*humanitatis studia*) необходимо сосредоточиться на главном предмете их исследования – человеке во всей его многогранности и полифоничности.

В.А. Муравьев был полон творческих замыслов и идей, однако, некоторым из них не суждено было осуществиться. В моем личном архиве хранится написанный им в марте 2002 г. план-проспект статьи «Историки и интеллектуальные круги России (конец XIX – начало XX века)», предназначавшейся для книги по истории творческого сообщества страны. Он не был реализован, тем не менее, мысли, заложенные в нем, позволяют полнее представить характер научных интересов Виктора Александровича, который являлся не только историком исторической науки, но и историком культуры. В своем плане-проспекте он писал о том, что «предполагает рассмотреть» следующие вопросы.

1. Эволюцию статуса истории как знания и как занятия в российском обществе, в российской культуре, российском политическом обиходе от оформления российской историографии (первая половина XVIII века) до рубежа XIX–XX вв.

2. Проблемы, связанные со становлением и оформлением российского историка как профессионала (первая половина – середина XIX в.) и его «вписывание» в интеллектуальные круги России.

3. Место, занимаемое профессиональными историками, историками-«любителями» (коллекционеры; члены научных обществ; лица, принадлежащие к иным профессиональным кругам, но публично выступающие по вопросам истории), преподавателями средней школы в профессиональном спектре интеллектуальной России конца XIX – начала XX в. Придется, в частности, вернуться и к старому спору об определении, численности, составе, классификации русской интеллигенции рубежа веков (В.Р. Лейкина-Свирская, Л.Е. Ерман и др.), разделить понятия «интеллигенция» и «интеллектуальные круги».

4. «Степень востребованности» и «степень авторитетности» областей интеллектуальной деятельности и наук по отношению к старым проблемам и проблемам, вставшим перед российским обществом на рубеже XIX–XX веков (литература, публицистика, философия, право, экономика, история и т.д.).

5. «Ответы» исторической науки на «социальные ожидания» времени. Дифференциация запроса и дифференциация ученых. Только ли в прошлое обращена история? Не предвидели начала катастрофического развития событий начала XX века? Была ли история хуже или лучше других областей интеллектуальной деятельности в этом отношении? Крушение концепций «шестивия венчанного царя с верноподданным народом»? Надежды и опасения либеральных историков. Активность и ожидания радикалов?

6. Авторитет историка в общественном мнении страны накануне, во время и после революции 1905–1907 годов. Новые издания и историк.

7. Самоидентификация и идентификация историков на этих трех этапах (Павлов-Сильванский о Милюкове; Ключевский о политиканстве и науке своих учеников; авторитет Платонова; кумиры студенчества и др.).

8. Российская культура и историография; историография и российская культура: начало складывания новых отношений. Российский историк в мире (А.С. Лаппо-Данилевский и др.; подготовка Петербургского международного конгресса исторических наук).

Этот небольшой текст лишний раз подтверждает основополагающую мысль В.А. Муравьева о том, что «поворот современного гуманитарного знания в России к антропологической ориентации, поворот к антропологически ориентированной истории, происходящая смена позитивистской источниковедческой парадигмы означает пока нечто значительно большее, чем возвращение в историческую мысль впервые рожденных в России и в России же оттесненных на обочину исторического видения идей А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Вернадского и их научных единомышленников, и нечто большее, чем вхождение в методологическую, концептуальную и проблемную ауру современной гуманитаристики. Этот поворот – необходимая, обязательная и

немаловажная часть поворота от в значительной мере традиционного общества к обществу современному, от социокультурной замкнутости к мировой социокультурной среде»²¹.

В заключение, что называется *in memoriam* доктора исторических наук, заслуженного профессора В.А. Муравьева, хотелось бы отметить, что, несмотря на скоропостижную кончину, ему удалось не только прожить интересную, интеллектуально насыщенную жизнь, но и многогранно проявить себя в тех пяти измерениях, которыми христианская антропология еще со времен Бертольда Регенсбургского определяла удел человека: персона – служба – имущество – любовь – время. Виктор Александрович обладал высоким мастерством и талантом, которые позволили ему достичь профессионального успеха и творчески, во всей полноте, использовать отпущенное ему природой время.

Примечания

¹ *Муравьев В.А.* Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 42, 43.

² Там же.

³ *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человека и общества: историческая география в системе исторических наук // Исторический источник: человек и пространство. М., 1997. С. 33.

⁴ *Муравьев В.А.* Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. К 75-летию Историко-архивного института. М., 2006. С. 18.

⁵ *Зимин А.А.* Правда искусства и неправда истории // Отечественная история. 2002. № 1. С. 33; *Зимин А.А.* Несравненный Степан Борисович // Отечественная культура и историческая мысль. XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Брянск, 1999. С. 201.

⁶ *Муравьев В.А.* Лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971; *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки. Историографический ежегодник 1973. М., 1975; *Муравьев В.А.* В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // В.О. Ключевский: сб. материалов. Пенза, 1995 и др.

⁷ См.: *Муравьев В.А., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф., Казаков Р.Б.* Эпистемология гуманитарного знания и профессионализации историка: идеи и перспективы // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2004.

⁸ *Муравьев В.А.* Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. К 75-летию Историко-архивного института. М., 2006. С. 18.

⁹ *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки. Историографический ежегодник 1973. М., 1975. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 129, 130.

¹¹ *Муравьев В.А.* Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. К 75-летию Историко-архивного института. М., 2006. С. 6.

¹² *Федотов Г.П.* Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № III (21). С. 102.

¹³ *Муравьев В.А.* Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 43.

¹⁴ *Зимин А.А.* Несравненный Степан Борисович // Отечественная культура и историческая мысль. XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Брянск, 1999. С. 201.

¹⁵ *Rickert H.* Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. [Freiburg, 1899]. Stuttgart, 1986. Kapitel 10, 14.

¹⁶ *Eco U.* Das offene Kunstwerk. Frankfurt-am-Main, 1973. S. 60.

¹⁷ *Волобуев О.В., Муравьев В.А.* Ленинская концепция революции 1905–1907 годов в России и советская историография. М., 1982. С. 120.

¹⁸ *Муравьев В.А., Пархоменко Т.А.* 1905 год с точки зрения либерала (из дневника В.М. Голицына) // Советские архивы. 1987. № 1. С. 61.

¹⁹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1937–1949. Т. 7. С. 178.

²⁰ *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 76.

²¹ *Муравьев В.А.* Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 44.

© Пархоменко Т.А., 2010

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2010 года

Пархоменко Татьяна Александровна,

доктор исторических наук,

заведующая Сектором истории культуры русского зарубежья

Российского института культурологии (Москва)

e-mail: parchomenkoT@yandex.ru

UDC 008:316.42

T. Parkhomenko

**A PORTRAIT OF HISTORIAN AS A CULTURAL PHENOMENON
IN OEUVRES OF VICTOR ALEKSANDROVICH MURAVYEV
(IN MEMORY OF THE MASTER)**

Abstract. The author addresses the works of professor V.A. Muravyev that are concerned with the problem of personality in history and culture. Doctor Muravyev was the master of historical biography and created portraits of renown researchers – Nikolay Pavlov-Silvansky, Boris Syromyatnikov, Nikolay Eroshkin and others. His research was aimed at actualisation of cultural memory linked to “history and historians”. Muravyev’s works have encouraged establishing the human-focused historical study in Russia that has become an inherent part of the recent global trend.

Key words: history, historiography, culture, personality, heritage, memory, biography, Russia

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,

Doctor in History,

Head of the Department for Culture of the Russian Abroad
of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow)

e-mail: parchomenkoT@yandex.ru